

# Всесезонная

“Гармонически развитую личность можно воспитать только профессией дворника. Это профессия будущего! Я бы всю жизнь работал дворником и чувствовал бы себя прекрасно”.

Мы познакомимся с Олегом в конце 70-х, когда я, член жюри Челябинского конкурса самодеятельной песни, поставил высший балл никому неизвестному дуэту студентов Института физкультуры Митяева и Старцева за песню “Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались”. Тогда же я взял у Олега первое в его жизни интервью. И вот двадцать пять лет спустя наши пути снова пересеклись. На этот раз не на пенечке у озера, а в VIP-зале петербургского клуба “Олимпия”, куда 46-летний Митяев прибыл в роли горячего гастролера и (страшно сказать!) барда № 1 в этой стране.

Олег, на афишах недавнего фестиваля “Петербургский аккорд” имя Митяева было набрано крупнее, чем имена Горюхиного, Кукина, Дольского и других мэтров... Я афишу не видел, а, приехав на концерт в Ледовый, узнал, что выступаю в конце большой программы. Первая мысль: “А как же Горюхиный, Кукин и другие люди, что меня и постарше, и полегендарнее?” Меня это возмутило! Не понравилось мне и указание: “Ты должен закончить песней “Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!” Закончил я концерт песней Юрия Кукина “А я еду за туманом”, на которую на сцену вышли все барды, и мы все вместе поставили точку.

Наверное, из-за интеллигентности направления “авторская песня” это довольно часто используют. У этой песни миллионы любителей, запытаются, а на ТВ до сих пор нет нормальных передач об авторской песне. Когда призывают съемочные бригады центральных каналов на Грушинский фестиваль, то получают абсолютно дилетантские описки. Из той же серии история с афишами в Ледовом... Да, может быть, на сегодняшний день Митяев собирает больше народа, чем другие, но это еще ни о чем не говорит. Типичная ситуация, когда коммерция наглово наступают, и мы забываем, что помимо широты существуют такие понятия, как глубина, седина... И все-таки, как ты относишься к тому, что Митяева многие называют нынче бардом № 1?

Если бы ты, Миша, сказал мне такое двадцать пять лет назад, у меня бы крыша съехала. А теперь я прекрасно понимаю, что всякие рейтинги – дело сугубо интимное, которое не может быть определено количеством голосов. Каждый человек выбирает для себя самого первого! Пусть этот певец неизвестен, но он ложится на душу, соответствует уровню культурного развития, интеллекта выбирающего. Для одного Шатунов – номер один, для другого – Мирзоян. Жаль, правда, любителей песен Мирзояна намного меньше, чем фанов Шатунова. При таком огромном количестве концертов, что нынче дает Митяев, можно говорить о заштампованности... У нас с Леонидом Марголиным программы нет вообще. Не знаем даже, с какой песни начинать концерт и какой закончим. Все зависит от аудитории, от ее реакции. Твой новый диск на подходе? 28 ноября в “Октябрьском” зале состоится концерт-презентация альбома “Небесный калькулятор”. С новыми песнями? Для кого как. Это на Западе артист выпускает альбом, раскручивает его, потом едет в тур, все уже знают эти песни. А у нас я пою-пою новые песни года два или три, а потом из них записываю альбом. Поэтому для диска стараемся сделать немножко другой саунд, аранжировки. А для тех, кто постоянно ходит на мои концерты, я исполняю что-то совсем свежее. Одна из таких “свежачка” – песня о Норильске... Когда мы общались с тамошним мэтром, он сказал: “Олег, скоро пятидесятилетие нашего города, вы не могли бы что-нибудь о нем написать?” Я попросил: “А вы не могли бы рассказать, что-нибудь хорошее о Норильске!” Тот рассмеялся и... не смог. Тогда крутом уже было лето, а в Норильске лежали сугробы по восемь метров. Но песню я все равно написал, хотя сомневался, что она по настроению подойдет к празднику города. Кстати, недавно в Норильске был снят клип на мою песню “Алькель”.



фото Юлианы ГУРЕВНОЙ

Торам, должны потечь какие-то тоннорары, а значит, появится возможность давать помельше концертов, занимаясь сочинением песен. Только песен? Я хотел бы и прозу написать. Но пока это из области фантастики, потому что сейчас идет борьба с количеством концертов, которое явно превышает мои возможности. После таких трудов как ты расслабляешься? Анекдот мне нравится. У мужчин спрашивают: “Как вы расслабляетесь? Курите?” – “Нет!” – “Выпиваете?” – “Нет!” – “Выезжаете на пикник?” – “Нет!” – “Так как же?” – “А я не напрягаюсь!” Вот и я успокаиваю себя: а что расслабляюсь, я же не в шахте тружусь. Ну а если всерьез, то мне кажется абсолютным убеждением, когда человек идет на нелюбимую работу, трудится одиннадцать месяцев в году, а потом, счастливый, бросает опостылевшую работу и – в отпуск. От этого надо бежать, потому что работа должна быть твоим естественным продолжением. Когда-то я сформулировал для себя: среди известных людей

иногда попадают и интересные! Эта мысль возникла после того, как несколько раз я попадал в ситуацию, когда человек бесспорно известный, но с ним даже поговорить не о чем. Тебя часто приглашают в жюри всяческих фестивалей, конкурсов... Отказываюсь. И на Грушинском фестивале, и на других я только пою, но не “жюри”!

Что же тебя привело тогда в жюри петербургского конкурса на создание гимна строителей? Исключение я сделал потому, что мне предстояло поучаствовать в одной комиссии с Андреем Петровым, и, во-вторых, задумавший этот конкурс “Невский синдикат” сделал немало хорошего для многих людей искусства. Разумеется, я сам не буду принимать участие в конкурсе, а вот Леонид Марголин заинтересовался. В твоей трудовой книжке можно прочитать: электромонтажник, тренер по плаванию, дворник, завклубом, артист... Электромонтажником я работал на практике в техникуме и

# Лирикка Олега Митяева

еще полгода перед армией (кстати, служил Митяев на флоте. – Прим. авт.). Помню, вставал в такую рань и перся на строительномонтажный участок, где меня ждали заскорузлая роба, звенящее от мороза железо. Мало того, я поднимался вообще в пять утра и сначала шел в бассейн ЧТЗ (Челябинского тракторного завода. – Прим. авт.), проплывал километра два. Затем отправлялся на участок, где во время обеда, быстренько перекусив, ложился спать на фуфайках в вагончике. Поднимался и вновь работал, после чего бежал на тренировку. Вечером доплывал до дома, бухался в постель, во сне тоже “пыл”, пока в пять утра не звонил будильник... Когда впоследствии я недолго работал тренером, то вытаскивал десятилетних папанов из воды и говорил: “Ну зачем тебе это надо? Есть же кино, музыка, такая многообразная жизнь, а ты от стенки к стенке гробешь”. Ребята воспринимали это как провокацию и отвечали: “Хочу быть чемпионом мира!”

Никто не стал? Поднялись до мастеров спорта, но не больше. А как выглядел Митяев с метлой в руках, трудясь дворником? Я вообще считаю, что гармонически развитую личность можно воспитать профессией дворника. Это профессия будущего! Я бы всю жизнь работал и чувствовал бы себя прекрасно. Ведь в основе профессии заложено сочетание физического труда с общением с природой. Ты встаешь с рассветом, наблюдаешь за листочками, деревьями, кустами. Сейчас появилось много профессий, смысл которых трудно объяснить. Например, человек говорит: “Я работаю дилером”. Что это такое? Главное – заполучить побольше денег. Дворник же – лицо конкретное. Приводящее планету в порядок. И это здорово! Кроме всего прочего, дворникам дают жилье, а днем остается время почитать книжку, пойти в библиотеку, кино. При таком сочетании физического и духовного чего еще желать!

Завклубом – тоже лицо, приводящее планету в порядок? Завклубом я трудился в пансионате “Сосновая горка” Аргашского района Челябинской области. Это тоже замечательная профессия, хотя она себя довольно быстро исчерпывает. Ну придумай я несколько мероприятий, вечеров, и они повторялись, и каждый новым заездом отдыхающих. А повторение – враг творчества. Олег, ты ведь в начале девяностых ешь и ГИТИС закончил как артист... Булат Шалвович Окуджава говорил мне: “Только не становись артистом! Не обольщайтесь аллюдисментами и не дешевите!” Мудрые слова, но сейчас, в своем уже довольно зрелом возрасте, я в чем-то могу не соглашаться и с Окуджавой, и с Бродским. Наверное, прислушиваясь к другим, гораздо важнее прислушиваться к себе. Окуджава можно понять: он считал, что барды – это поющие поэты, главные – стихи, а актерство и все прочее – это потом. Мне же приходится

иногда специально упрощать какие-то свои стихи, чтобы не вышло тяжело, но не мешало музыке, сиюминутному восприятию. Видимо, я просто чем-то другим занимаюсь. Тебе, наверное, нравится фраза, что актер проживает на эстраде или на сцене несколько жизней... Как раз это меня меньше всего привлекает. Да дай бог свою прожить! Дорожить каждой ее минутой! Ведь пока ты живешь чьей-то жизнью, своя проходит мимо. Что скажешь в ответ на упреки твоих недоброжелателей: “Митяев – самый популярный из бардов”? Об этом, может быть, не стоит лишний раз говорить, но чтобы написать песню, интересную очень широкому кругу слушателей, надо немного покривить душой. По крайней мере, мне так приходится поступать. С одной стороны, ситуация меня огорчает, потому что называется словом “конъюнктура”. С другой стороны, конъюнктура – это ведь, по большому счету, когда ты пишешь то, что нужно людям. С третьей же стороны, меня радует то, что хочется писать такие песни, которые большей части человечества пока еще рано понимать. Значит, я как-то развоюсь! Не в коммерческом смысле так быстро “развиваться” невыгодно. Вы сами себе цензор: эта песня глуповата, а вот эта чертовски умна! Здесь другое состояние. Что-то пишется абсолютно искренне, на уровне твоего культурного ценза. Что-то – пониже этого уровня. Во всяком случае, много лет назад я больше попадал в человечество, когда писал просто и примитивно: “Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!” Но это был не коммерчески просчитанный проект. Все получилось само собой. Сейчас же, когда начинаешь как-то изгаляться в гиперболах и образах, то не всем слушателям бывает понятно. Но ничего с собой подедать не могу: изгаляюсь! (улыбается).

Как был воспринят тонкими ценителями и широкими массами ваш с Марголиным диск “Ни страны, ни погоста” на стихи Иосифа Бродского? Блестители чистоты жанра уже высказали мне в прямом радиоэфире: “Не трагайте нашего Бродского!” Я ответил: “Но он же и наш тоже!” – преважно понимая, что, как бы мы хорошо ни спели, какие бы инструменты ни использовали, всегда найдутся недовольные. Оно и понятно: люди привыкли либо читать Бродского, либо слушать его опротивевшее исполнение с невыговариванием букв и звуков. Тем не менее это оригинал гения. Однако и нам никто не может запретить напеть стихи Бродского в том виде, как мы их чувствуем, понимаем. Почему вы общались с Бродским? Неужели Митяеву своих песен мало? Леонид Марголин некоторое время работал в группе “Лесоповал”. Вряд ли, не будь рядом Лени, меня бы как-то заинтересовал “Лесоповал”. Не дай бог, чтобы так жизнь повернулась,

что мне стали близки лагерные песни, хотя, как говорится, от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Когда Марголин приносил мне свои песни, то я его очень критиковал за тексты. И вот он решил, чтобы избежать претензий к текстам, “взять вышку”: “Есть у тебя претензии к стихам Бродского?” – “Нет!” Честно говоря, я не думаю, что из этой затеи что-то выйдет. Ведь помимо музыки, поэзии, исполнения есть гораздо более важная вещь в песенном жанре: гармония между всеми этими составляющими. Я очень критично следил за тем, что Леся делает, и в конце концов мне это понравилось. Семнадцать произведений Бродского легли на музыку Марголина, а я их спел. Неужели в процессе работы у тебя не было соблазна тоже что-то написать на стихи Бродского? Дело в том, что я не могу писать красивую музыку. Поэтому меня огорчает, потому что называю ее впрямую брать настоящую поэзию. Пишу на свои стихи, и этим достигается диалектическое единство. Год назад ты утверждал, что альбом на стихи Бродского – подчеркнуто некоммерческий проект. Однако диск неплохо раскупается... В “Известиях” я прочитал, что наш диск “Ни страны, ни погоста” занимал какое-то время второе место по продажам после “Давай за...” группы “Люба”. Это стало для нас полнейшей неожиданностью. Как бы то ни было, я надеюсь, что “Ни страны, ни погоста” – альбом не на один год. Путеводной звездой в этом направлении для меня остается диск Давида Тухманова “По волне моей памяти”. До сих пор слушаю и получаю наслаждение. Вот там была достигнута гармония между музыкой Тухманова, высокой поэзией Бодлера, Ахматовой и прекрасным вокалом Беликова, Барыкина и других. Кстати, этот диск не стал коммерческой концертной программой, оставшись в студийном варианте. Мы с Леонидом тоже не играем в концертах песни из “Ни страны, ни погоста”, так как в гитарном варианте они могут многое потерять... Марголин продолжает свои композиторские опыты со стихами известных поэтов? У него есть несколько песен на стихи Николая Рубцова, а теперь мы решили сделать диск на стихи Пушкина. Дело в том, что Александра Сергеевича толком мало кто знает! Может быть, послушаем наш альбом, люди достанут с полки томик Пушкина. Когда же мы услышим диск на стихи автора “Я помню чудное мгновенье”? Альбом, скорей всего, будет писаться в течение нескольких лет. Туда войдут “незавертенные” стихи Пушкина? С Чайковским не станете конкурировать? Важный результат. Если это будет хорошо, то можно и с Чайковским посоревноваться (улыбается). Леонид Марголин! Я это сам бы, конечно, не взялся. В данном проекте могу участвовать только как исполнитель. Да и то, если найдутся исполнители получше, откажусь в их пользу. В твоём недавнем интервью “Комсомолке” меня озадачила фраза в ответ на вопрос о семье, личных переживаниях: “Это приятная тема для меня, но не для публики. Не важно, как оно есть на самом деле. Неженатый, молодой, худой и неприкаянный? Пусть так и будет!” Но разве не интересно публике узнать, например, что у Митяева трое детей, причем от одной жены? Во-первых, детей у меня четверо. Во-вторых, для меня неприемлем такой стиль разговора о личной жизни, как, например, в книжке Золотухина и Кончаловского. Это, конечно, их дело, но мне кажется, как-то не по-мужски разговаривать на эти темы, углубляться в детали. По отношению к женщине некорректно, некрасиво. Да и не получится, чтобы всем было хорошо, если ты искренне все расскажешь. Поэтому я для себя решил на эти темы не разговаривать. Ну о женщинах – ладно! А о детях – почему не поговорить? Все-таки четверо детей в одной семье – такое в артистическом мире не встретишь. Почему? У Дольского семья такого же размаха. Про своих детей ничего необычного рассказывать не могу. Все как у всех. Если бы какой-нибудь красочный журнал предложил щедро отдать свои площади для фоторепортажа из московской квартиры Митяева... Я бы отказался. Не то что я такой скромняга, но мне как-то неугодно от всей этой звездности: “Какую рубашку вы носите, какие трусы, носки?” Знаете, мне неудобно перед Галичем, перед Вертинским, наконец, перед Пушкиным! Ладно, когда человек умер и потомки собирают о нем мельчайшие подробности. Но все равно мы его не за это любим, а за высоту, которую он смог взять в поэзии, прозе, песнях. За его вершины. Вот и у нас, живущих сейчас, есть возможность что-нибудь сделать по большому счету. А все остальное просто не настолько интересно. Тебе довелось общаться с Окуджавой. Можешь рассказать о нем что-то нетривиальное? Можешь, наверное, но не хотелось бы на этом зарабатывать очки. Я и Окуджава, я в обнимку с Розенбаумом – нескромно как-то. Все-таки хотелось бы что-то сделать самому и этим дорожить. К тому же, к счастью, еще живы многие замечательные люди, что могу рассказать не о трех – четырех годах знакомства с Булатом Шалвовичем, а о сорока – пятидесяти. Я действительно захаживал в гости к Окуджаве в Безбожный переулок, ездил на дачу в Перedelкино. После того как мы познакомились и я пошел ему свои песни, мне хотелось общаться дальше, но чем я мог быть интересен Булату Шалвовичу? И тогда я стал предлагать: “Булат Шалвович, а хотите я вас с Макаревичем познакомлю?” Потом звонил Андрею: “Хочешь познакомиться с Окуджавой?” Привозил я в Перedelкино и Иваненко с Васильевым. Это были добрые такие выпивания, вечера. Но однажды я зашел в Безбожный переулок, чтобы что-то передать Окуджаве, и увидел в прихожей несколько зонтов. Заглянул краем глаза в гостиную,

Михаил САДЧИКОВ